

Лечич Н. Д. Неупорядоченное Небо в сфере Вселенной, безобразный Тартар в додекаэдре Земли : об античной визуальной философии охватывания беспорядка порядком // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 13–34.

Никола Лечич*

НЕУПОРЯДОЧЕННОЕ НЕБО В СФЕРЕ ВСЕЛЕННОЙ, ВЕЗОВАБРАЗНЫЙ ТАРТАР В ДОДЕКАЭДРЕ ЗЕМЛИ**

ОВ АНТИЧНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ОХВАТЫВАНИЯ
ВЕСПОРЯДКА ПОРЯДКОМ

Получено: 07.04.2024. Рецензировано: 22.07.2024. Принято: 26.08.2024.

Аннотация: Статья посвящена описанию редкого примера визуального философствования в Античности, в котором аксиологически совершенный упорядоченный предел Вселенной мыслится как охватывающий и запирающий в себе ее менее совершенные и неупорядоченные и безобразные внутренние части. Анализируется свидетельство Иоанна Стобея из V или VI в. н.э. (DK 44 A 16, наверное взято из более старой и объемной компиляции Аэтия), в котором он приписывает ранним пифагорейцам картину Вселенной, согласно которой Вселенная имеет огненный центр, вокруг которого кружат 10 небесных тел, включая Землю, Луну и Солнце, которые все охвачены «вторым», большим огнем. Однако, эта картина дополнена странным утверждением о том, что во Вселенной есть трехчастная вертикальная структура, состоящая из Олимпа, Космоса и Неба (область под Луной, в которой живем мы), в которой совершенство уменьшается сверху вниз. В науке принято видеть эту компиляцию как логически невозможную, а вторую ее часть как фальсификат. Мы исследуем происхождение и след разных анахронных элементов этой картины и находим их у Платона, в «Тимее» (Ti. 55c: додекаэдр служит как образец Вселенной, охватывающий менее совершенные ее части) и «Федоне» (Phaed. 108d–115a). В «Федоне» представлен фантастический ландшафт, в котором (i) жители «настоящей Земли» живут в прекрасных эфирных ландшафтах, полных гладких и прозрачных камней, а мы и обитатели морского дна живем во всё ниже и ниже расположенных впадинах, заполненных, соответственно, воздухом и водой, в которых «совершенство» и красота вещей, а также уровень познания их жителей, прогрессивно уменьшаются; (ii) реки верхних областей стекают в беспорядочный Тартар, который находится глубоко в центре Земли. Делается вывод о том, что компиляция Аэтия/Стобея не просто фальсификат, а драгоценная и, скорее всего, осознанная и последняя попытка сохранить древнюю раннепифагорейско-платоническую схему охватывания, через наложение на нее неоплатонической идеи вертикальной аксиологии.

Ключевые слова: Филолай, Платон, Стобей, «Федон», сфера, додекаэдр, Вселенная, космос, «истинная Земля», аксиология.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-13-34.

*Лечич Никола Добрикович, к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), nlecic@hse.ru, nikola.lecic@anthesp.hogia.net, ORCID: 0000-0003-0349-0108.

**© Лечич, Н. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

В конце V или в начале VI века н. э., в Стобах, в византийской провинции, уединенный язычник Иоанн, позже названный Стобеем, создает свое большое собрание мнений языческих авторов¹. В компиляции «Ἐκλογῶν φυσικῶν διαλεκτικῶν καὶ ἠθικῶν» он приводит странную картину космоса и приписывает ее одному из последних ранних пифагорейцев, Филолаю (и тем самым доплатонической философии конца V в. до н. э.)²:

[A16a] Филолай посередине (ἐν μέσῳ), в центре (περὶ τὸ κέντρον) [космоса, помещает] огонь (πῦρ), который он называет «очагом» (Гестией) Вселенной (ἔστιά τοῦ παντός), «домом Зевса» (δῖος οἶκος), «Матерью богов» (μήτηρ θεῶν), «алтарем», «связью (συνοχή) и мерой природы (μέτρον φύσεως)». Кроме того, он принимает и другой огонь (πῦρ ἕτερον), расположенный выше всего (ἄνωτάτω) и служащий Объемлющим (περιέχων). Первый по природе — центральный [огонь] (πρῶτον δ' εἶναι φύσει τὸ μέσον)³, вокруг него кружатся в хороводе десять божественных тел: небо (οὐρανός)⁴ и планеты, за ними Солнце, под ним —

¹Со времен «Doxographi Graeci» Дильса (1879) считается, что Стобей опирался на содержание «Vetusta placita», предполагаемого более старого сборника цитат, дошедшего до него через эклектика Аэтия, который жил примерно четыре века раньше (I–II в. н. э.). Несмотря на то, что самого сборника не осталось, у Дильса и Кранца все цитаты, которые по реконструкции ведут к Аэтию, обозначены как взятые из его компендия. См. обзор объемной дискуссии по этому вопросу: Runia, 2008: 37ff; Mansfeld & Runia, 1996: 3–4. С таким использованием утраченного и постулированного Дильсом труда Аэтия не все согласны; самая наглядная реализация этого несогласия — отсутствие всех ссылок на Аэтия в переводе собрания Дильса А. В. Лебедевым (Фрагменты..., Лебедев, 1989; про аргументацию Лебедева см. в: Жмудь, 2002: 6ff). Соответственно, у Лебедева интересующая нас цитата обозначена с авторством Стобея. Мы принимаем эту практику, и анализируемую компиляцию будем называть «стобеевской», потому что (1) она дошла до нас именно через Стобея и потому что (2) Стобей жил позже, и сам факт, что он принял компиляцию в своем сборнике, говорит о некотором одобрении и согласии с его стороны; это важно, потому что нас в статье он интересует именно как свидетель определенного мыслительного феномена и визуальной философии. — Обзор проблем, связанных с реконструкцией самого текста сборника Стобея и изданием Курта Ваксмута (1884) см. в Roysse, 2018; про проблемы с известными манускриптами Стобея по отношению именно к фрагментам Филолая см. Huffman, 1993: xvi.

²В собрании Дильса-Кранца компиляция получила обозначение 44 A16 (у Аэтия — Aetius, 2.7.7, у Стобея — Stobaeus. Eclogae 22.1d, 1.196 Wachsmuth). Обозначения A16a и A16b делаются на основе издания Хаффмана (Huffman, 1993: xvii); об этом делении будет больше сказано ниже. — Греческий текст фрагментов и псевдографии Филолая дается по Хаффману.

³Хаффман в английском переводе здесь не добавляет слово «огонь»: «[he says] that the middle is first by nature»; кроме того, центр (не огонь) в его переводе — «first by nature» (ibid.: 238, 243).

⁴У Дильса на этом месте есть дополнение «(μετὰ τὴν τῶν ἀπλανῶν σφαῖραν)»; такой вариант затрагивает вопрос неподвижности внешней границы космоса, но его анализ выходит за пределы нашей узко заданной темы.

Луна, под ней Земля, под ней — Противоземля (Антихтон), а после них всех — огонь Очага, занимающий центральное положение (περὶ τὰ κέντρα τάξιν ἐπέχον)⁵. [A16b] Самую верхнюю часть Объемлющего (περιέχον), в которой — бесприемная чистота элементов (εἰλικρίνεια τῶν στοιχείων), он называет «Олимпом»; пространство под сферой⁶ Олимпа, в котором расположены пять планет вместе с Солнцем и Луной, — «Космосом» (κόσμος), а расположенную под ними подлунную (ὑποσέληνος) часть, в которой находится мир переменчивого рождения (φιλομετάβολος γένεσις), — «Небом» (οὐρανός). Относительно упорядоченных небесных явлений (τεταγμένα τῶν μετεώρων) бывает мудрость (σοφία, σοφία), относительно неупорядоченности возникающих вещей — добродетель (ἀρετῆ) (περὶ δὲ τῶν γινομένων τὴν ἀταξίαν τὴν ἀρετὴν); первая совершенна, вторая несовершенна (τελείαν μὲν ἐκείνην ἀτελεῖ δὲ αὐτήν)⁷.

Цитату давно заподозрили во внутреннем противоречии: кажется, что части A16a и A16b плохо сочетаются друг с другом. Из-за этого пассаж Аэтия/Стобея в издании Дильса сохранил связь с Филолаем, но целиком попал в раздел «Свидетельства», получив номер 16. Вальтер Буркерт в своем легендарном труде «Weisheit und Wissenschaft. Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon» вынес вердикт, что речь идет о «взаимоисключающих системах, скомбинированных в единый пассаж», потому что эксплицитное обозначение подлунной области мира как «несовершенной» лишает центральный огонь всякого смысла. Вторую часть (A16b) Буркерт обозначил как полностью неаутентичную, отмечая, что космология первой части подкрепляется независимыми свидетельствами Аристотеля (Burkert, 1972: 244–245, 244 n. 29). В наше время издатель фрагментов Филолая Карл Хаффман, поддерживая вывод о том, что вторая часть неаутентична; аргументы против аутентичности второй части — платоническая и постплатоническая терминология, например, в словосочетании φιλομετάβολος γένεσις (Huffman,

⁵По Хаффману: «which has the position of a hearth about the center» (Huffman, 1993: 238).

⁶В оригинале нет слова «сфера»; оно, хоть и уместно, добавлено Лебедевым.

⁷Хаффман (ibid.: 396) конец переводит так: «He also says that wisdom arises concerning the things ordered in the heavens, and virtue concerning the disorder of coming to be. The former is complete, but the latter incomplete». Гатри (Guthrie, 1962: 284) переводит более описательно («The uppermost region of the surrounding heaven, where the elements are at their purest, he calls Olympus; kosmos he uses for the region below the circuit of Olympus, in which the five planets, the sun and the moon have their positions; and ouranos for the sublunary region beneath these and surrounding the earth, the home of change and becoming»), игнорируя последнее предложение. — Русский текст фрагментов досократиков дается по Фрагменты..., Лебедев, 1989.

1993: 245). Часть A16a, обозначенная курсивом, согласно Хаффману, тоже неаутентична и принадлежала тексту, из которого почерпнута часть A16b (упоминание «матери богов», «алтаря» и «связи и меры природы») Хаффман считает неподлинной инкрустацией. Пассаж A16b у Хаффмана обозначен как целиком неподлинный, «испорченный другими поздними системами» (Huffman, 1993: 237ff); все попытки увидеть A16a и A16b непротиворечащими друг другу и одинаково подлинными он отвергает из-за слабых аргументов их авторов⁸.

Хаффман делает вывод о том, что 16a можно считать частью комплекса подлинных свидетельств о космологии Филолая⁹ и что он «является единственной комплектной [астрономической] системой, которую можно приписать ранним пифагорейцам».

С аргументами исследователей доксграфии Аэтия/Стобея сложно поспорить: A16b действительно неоплатонический. Однако, все исследователи сосредотачиваются на подлинности, оставляя в стороне мотивацию Стобея сделать (или принять) именно такой гибрид¹⁰. Мы попробуем вникнуть в этот вопрос; также мы хотим рассмотреть, действительно ли соединение Стобея противоречивое и невозможное.

Пассаж A16a является по большей части корректным пересказом подлинных фрагментов Филолая, которые сохранились именно в собрании самого Стобея: B2, 4, 5, 6, 7, и 17. Согласно им, благодаря первичной гармонизации безграничных (ἄπειρα) и ограничивающих (περάροντα) первоначал создается «одно» (τὸ ἓν)¹¹, огонь, который представляет собой центр возникающего космоса и первую сущность, обладающую

⁸Помимо первого Августа Бёка, первого издателя фрагментов Филолая (чьей аргументации вернемся ниже), систему A16 защищали и такие авторитеты, как Дж. Филип (Philip, 1966: 118–119) и У. К. Ч. Гатри (Guthrie, 1962: 285), но без особой аргументации.

⁹Хаффман дает перечень всех текстов, относящихся к астрономической системе Филолая, включая свидетельства 16, 17 и 21: Arist. De caelo 293a18ff, Met. 986a2, fr. 203 (Alex. Aphr. in Metaph. 38.20), fr. 204 (Simplicius in De Caelo 511.25), 58 B36 DK (Aët. 2.29.4), Simplicius in Ph. 1354.2, 44 A16 DK (Aët. 2.7.7), 44 A17 DK (Aët. 3.11.3), 44 A21 DK [Aët. 3.13.2], Eudemus fr. 146 (= Simplicius in de Caelo 471.4 = 12 A19 DK), Arist. Mete. 342b30, 345a14 (Huffman, 1993: 231–239).

¹⁰Хаффман все-таки замечает, что филолаевские элементы и поздняя традиция очень необычно соединены (ibid.: 396), но дальше этой констатации не идет.

¹¹Существует объемная дискуссия о том, как понимать τὸ ἓν в центре космоса: как число или как единство. Первый вариант ответа отчетливо выражен у Шибли (Schibli, 1996: 115, 127), второй у Жмудя: «Филолай трактовал свои начала, ἄπειρα и περάροντα, отдельно от четных и нечетных чисел и вообще всякой апелляции к математике» (Жмудь, 2012: 380, 381 п. 132). Мы принимаем сторону Шибли, но это не имеет центрального значения для данной статьи.

пределом. Особенность всех вещей в космосе (и космоса в целом: ὅλος κόσμος¹²) в том, что все они «имеют число», благодаря которому могут быть познаны и высказаны (πάντα γὰρ μὲν τὰ γινώσκόμενα ἀριθμὸν ἔχοντι). По сути, каждую вещь в космосе можно считать ограниченной (т. е. *охваченной*) бесконечностью.

Однако про второй, охватывающий космос огонь мы узнаем только из А1ба. Фраза Стобея «кроме того, он принимает и другой огонь» говорит о том, что автор воспринимает всеобъемлющий огонь как *родственный* первому. В этом Стобей и его предполагаемый источник правы: первый огонь (В7), который ἐν μέσῳ περὶ τὸ κέντρον, и сам создается своеобразным *охватыванием*, запираением безграничного¹³.

В литературе родственность двух огней принято характеризовать довольно слабыми терминами, например через концепт «эквивалента»¹⁴, или вовсе игнорировать¹⁵. На наш взгляд, трактовки второго огня как «эквивалентного» первому недостаточно подчеркивают два важных аспекта родственности двух огней: (1) περιέχον — потомство¹⁶ центрального огня, ведь центральный огонь — начало космогонии; (2) περιέχον имеет такую же *функцию*, что и центральный огонь: он — всеохватывающий потомок того, что гармонизировалось первым, — подобен конечной, самой большой гармонии.

Представление о целостности космоса как о всеохватывающей гармонии может звучать обыденно и привычно. Одну из самых красивых

¹²Это важное уточнение (44 В1 DK) не из Стобея, а из Диогена Лаэртского (Diog. Laert. VIII.45).

¹³Такая интерпретация подтверждается Аристотелем: «Они [пифагорейцы] ясно говорят, что сразу же, после того как образовалось единое (τὸ ἓν) [...], ближайшая часть беспредельного (ἄπειρον) была привлечена [единым] и ограничена пределом (πέρας)» (Arist. Met. 1092a12–18 = 58 В26 DK; Аристотель, Кубицкий, 1976: 360). Ср. Burkert, 1972: 36. Это называют «поразительно архаичной» космологической чертой; напр. Kahn, 2001: 36.

¹⁴Например, Burkert, 1972: 37, 37 п. 44: «[...] in these very ideas is apparent a complete equivalence of the things separated: the 'Hearth' of the Universe and its fiery envelope, 'Zeus' castle' and Olympus».

¹⁵Пример того, как доказывают «параллель», избегая при этом придания космологической значимости любого рода объемлющему огню, мы находим у Хаффмана (Huffman, 1993: 245): «Филолая можно считать тем, кто воспроизводит сферическую форму космоса, которая, вероятно, была ясно выражена Парменидом. В соответствии с этим, он [Филолай] утверждает, что элемент, являющийся источником мира, огонь, должен находиться в центре, одном из источников (origins) сферы».

¹⁶Идею о потомстве и генеративном характере первого огня можно найти у Джонатана Барнса, который выдвинул идею о динамическом характере гармонии и временной природе космогонии (Barnes, 1982: 310–311). Однако даже Барнс не ссылается при этом на фрагмент 17, которым мы сейчас займемся.

версий этой классической философемы находим в третьей Эннеаде Плотина:

Поскольку возникшее есть всецелый космос, постольку увидевший его мог бы услышать: «Меня сотворил Бог, я пришел Оттуда совершеннейшим всех живущих. Я — полон собой, самодостаточен, ни в чем не нуждаюсь, потому что все во мне: и растения, и животные, и природа всего рождающегося, и множество богов, и все демоны, и благие души, и люди, счастливые доблестью. Ибо неверно, что лишь земля была украшена всеми растениями и всевозможными животными, что только вплоть до моря простерлась сила Души, а весь воздух, и эфир, и целое небо — Душе не причастны; это неверно, ибо там обитают все благие души, дающие жизнь звездам и прекрасно упорядоченному вечному кругообращению небес, подражающему движению Ума, вечно и умно обращающемуся вокруг вечно тождественного центра, не ища ничего вовне. Все вещи во мне стремятся к Благу; обретают же Его — каждая соответственно собственной силе. Ибо от Блага зависит все небо и вся моя душа, и все боги в моих частях, и вся животная жизнь, и растительная, и все, что считается неодушевленным во мне [...]»¹⁷.

Однако не надо забывать, что космос Плотина несамостоятелен, он зависит от того, что онтологически выше его, и его самостоятельность и замкнутость иллюзорна (космос лишь «подражает» Уму). Кроме того, центр сотворенного космоса неоплатоников не имеет никакого особого значения. В отличие от неоплатонического космоса, за пределами пифагорейского-стобеевского космоса нет ничего, что можно познать (Вз, 4); его гармония не проистекает ни из чего, что было бы за его пределами или выше его; ровно наоборот, она начала расти из его центра.

Действительно, кажется, что в пифагорейском мире нет места никакой ценностной вертикали, описанной в А16b: как может в космосе, имеющим центр (а также окружности, по которым крутятся небесные тела, и всеохватывающий огненный предел) быть верх и низ? При этом, Стобей очень хорошо знает, что верх и низ отвергал сам Филолай, ведь он для нас сохранил фрагмент В17:

Космос один (ὁ κόσμος εἷς ἐστίν). Он начал возникать до [заполнения?] середины (γίνεσθαι ἄχρι τοῦ μέσου), а от середины (ἀπὸ τοῦ μέσου) [возникал] равномерно вверх и вниз, (и) то, что кверху от середины, расположено напротив того, что снизу. Ибо для нижних [= антиподов] самая нижняя часть — как самая

¹⁷Plot. Энн. III.2.3; Плотин, Сидаш, 2004: 130.

верхняя; с прочими точно так же: и та и другая одинаково расположены относительно середины, но только перевернуты¹⁸.

Более того, как в таком космосе что-либо может определяться Землей? Ведь она только одно из многочисленных тел, движущихся около центрального огня. Это обстоятельство заставило противников подлинности A16b считать, что он требует геоцентрическую систему (что противоречит идее о центральном огне), а сторонников его подлинности — что «нижняя часть» космоса касается только земли; именно так систему A16 как целостность пытался спасти 200 лет назад Август Бёк (Böckh, 1819: 101–102): он считал, что только земля и ее атмосфера являются местом изменений и беспорядка. Хаффман небезосновательно считает, что такая интерпретация лишает какой-либо роли самую важную часть филолаевской космологии — центральный огонь, а также Противоземлю (Huffman, 1993: 398). Кроме того, для дифференциации верхней и нижней части в A16b используются фразы «εἰλικρίνεια τῶν στοιχείων» и «φλομετάβολος γένεσις» (идея, похожая на то, что находим в псевдофилолаевском фрагменте 44 B21); наличие совершенной и менее совершенной части космоса кажется типичной чертой платоновской философии и псевдопифагорейских текстов (ibid.). Таким образом Хаффман резюмирует вердикт науки о филолаевских фрагментах.

Однако все было бы просто, если бы у самого Филолая (и в ранней пифагорейской традиции в широком смысле) не было намеков на то, что внутри космоса все-таки есть ценностная дифференциация, которая как раз определена Землей и Луной. Посмотрим свидетельство A20, которое игнорируется в контексте обсуждений A16:

Некоторые из пифагорейцев, в том числе Филолай, [полагают], что Луна кажется землеобразной потому, что она, как и наша Земля, населена животными и растениями, но только более крупными и более красивыми: живущие на Луне животные в пятнадцать раз больше [земных] и совершенно не выделяют экскрементов. Столько же [т. е. в пятнадцать раз больше] длится и день (44 A20 DK = Aët. 2.30.1 = Стобей, Мнения философов, П.30.1 («О видимом облике Луны»)).

¹⁸ 44 B17 DK = Stobaeus. Eclogae 1.15.7 (1.148.4 Wachsmuth). Перевод Хаффмана меняет смысл первой части, поэтому приводим его целиком: «The world-order is one. It began to come to be right up at the middle and from the middle (came to be) upwards in the same way as downwards and the things above the middle are symmetrical with those below».

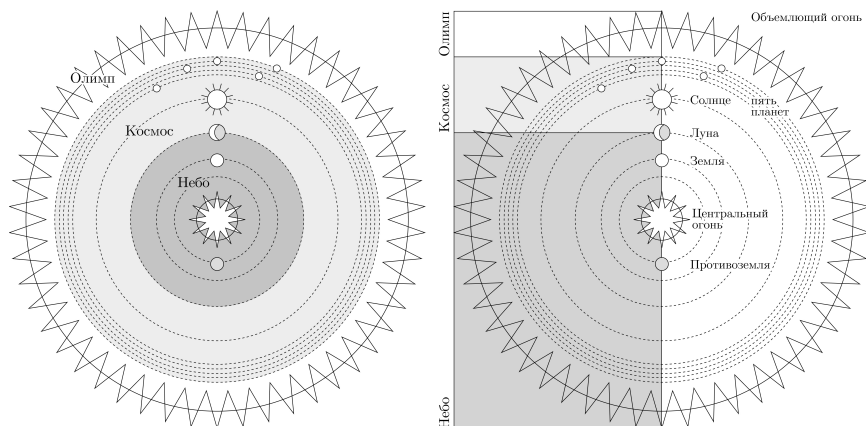
A20 содержит несколько удивительных утверждений: (1) что Луна и Земля — из «одного материала»; (2) что Луна населена; (3) что жители Луны красивее и в некотором смысле лучше земных. Буркерт, несмотря на оценку фрагмента как «фантастического», считал, что «нет причин сомневаться в его подлинности» и что фрагмент является частью книги Филолая (Burkert, 1972: 346–347; Huffman, 1993: 272). Утверждение о ценностном превосходстве лунных жителей над земными оказывается исключительно пифагорейским: никто раньше не прибегал такому ценностному сравнению. Доказывая подлинность этого текста, Хаффман предлагает обратить внимание на заслуживающий внимания комментарий Филопона на отрывок из «О возникновении животных» Аристотеля¹⁹. Филопон (а) повторяет аргумент Аристотеля, что должно существовать животное, которое соответствует четвертому элементу, огню, но что оно должно существовать не на Земле, а на Луне, и добавляет, что в эфире должны существовать «особые интеллектуальные животные», которые долго живут (3000 лет) в районе Луны; (б) утверждает, что эти существа не пьют и не едят; (в) утверждает, что Аристотель не рассматривал в дальнейшем эту идею, потому что она «платоническая». Хаффман комментирует, что описание (б) совпадает с «более причудливо выраженной» идеей, что лунные животные Филолая не «выделяют экскрементов».

Наше мнение таково, что A20 обязывает нас допустить идею о том, что космос из A16, пусть даже ограничен только частью A16a, имеет внутреннюю ценностную дифференциацию: Земля находится в области, которая *хуже* лунной. Какое отношение это имеет к центральному огню, пока не ясно. Как бы это ни было, здесь мы замечаем очертания идеи о том, что огонь, охватывающий сферу космоса, охватывает и что-то, что ценностно ниже его самого. Это мы будем называть *визуальной философемой*²⁰ охватывания аксиологически низкого аксиологически

¹⁹Имеется в виду Philop. in GA 160.16–21. Комментируемое место (Arist. GA 761b21–23) гласит: «Четвертый же род существ следует искать не в этих местах; однако должно быть что-нибудь соответствующее огню; ведь он числится четвертой стихией. Но огонь никогда не появляется в свойственной ему форме, а всегда в каком-нибудь другом теле, ибо воспламененным кажется или воздух, или дым, или земля. Подобный род существ надо искать на луне, так как она приобщается четвертой области» (Аристотель, Карпов, 1940: 154–155). Как комментирует Хаффман (Huffman, 1993: 272), «even Aristotle considered the possibility that a type of life different from ours might be on the moon».

²⁰«Визуальная философема» — наше понятие, которое обозначает любое описание, которое можно представить полностью в визуальной форме, включая фантастические ландшафты (например, в «мифах» из диалогов Платона). Визуальная философема имеет

высоким; в контексте А16 она становится визуальной философемой охватывания *беспорядка порядком*. Очевидно, Стобей пытается нас убедить в том, что у Филолая в 5 в. до н. э. эта визуальная философема существовала в полном виде. Наш анализ и иллюстрация 1, показывающая две попытки формирования такой философемы путем наложения идей А16b на А16а, показывает наличие проблем в самом тексте. Но нас больше интересуют *намерения* автора подобного текста.

Илл. 1. Космос Филолая в интерпретации Стобея. Два варианта наложения А16b на А16а.

Поэтому возникает такой вопрос: можем ли мы между Филолаем и Плотинем (чьим идеям вторит эзиевско-стобеевский А16b) найти визуальную философему охватывания аксиологически низкого аксиологически высоким, относящуюся к космосу?

Первый ответ, который естественно напрашивается — «Тимей», «пифагорейский» диалог Платона. Там (Ті. 53с) находим картину рождения

полноценное философское значение сама по себе, в своей визуальной форме, а не только благодаря тексту. Очень важно то, что визуальная философема не сводима к визуальной метафоре (детальное изложение см. в Лечич, 2024: 870–872). Примеры визуальных философем — бытие Парменида, представленное в форме сферы (28 В8:42–45 DK); фантастические ландшафты «Тимея» и «Федона», упомянутые в этой статье. Обычно подобные части текста трактуются как «метафоры» в смысле «лишь метафоры» (см. там же: 870 п. 16). Самым близким нашему концепту визуальных философем в литературе мы видим «спекулятивные метафоры» Александра Мурелатоса (Mourelatos, 2008: 37–38); про разницу между концепциями см. Лечич, 2024: 871.

четырёх традиционных элементов (огня, земли, воздуха, воды), которые появились из четырёх правильных полиэдров (тетраэдр, куб, октаэдр, икосаэдр). Однако эти тела, несмотря на свою красоту, не полностью совершенны: «Теперь должно сказать, каковы же те четыре рожденных тела, прекраснейшие из всех, которые не подобны друг другу, однако способны, разрушаясь, друг в друга перерождаться» (Ti. 53d).

Демиург тогда выбрал додекаэдр как тело, способно охватить все менее совершенные, склоняющиеся к трансформациями тела:

В запасе оставалось еще пятое многогранное построение, его бог определил для Вселенной и прибегнул к нему в качестве образца (Ti. 55c, Платон, Аверинцев, 1994: 459).

Интересно, что отголоски платоновской идеи поздние авторы пытались приписать назад пифагорейцам. Постаристотелевские подделки 44 A15 и B12 DK говорят о том, что сфера Вселенной (предположительно — пятый элемент из B12) возникла именно из додекаэдра. A15 и B12 предполагают некую связь «сферы всего» и додекаэдра. Звучат они так:

Пифагор принимает пять объемных фигур (σχημάτων), которые называют также математическими: из куба, по его словам, возникла земля, из пирамиды — огонь, из октаэдра — воздух, из икосаэдра — вода, из додекаэдра — сфера Вселенной (44 A15 DK).

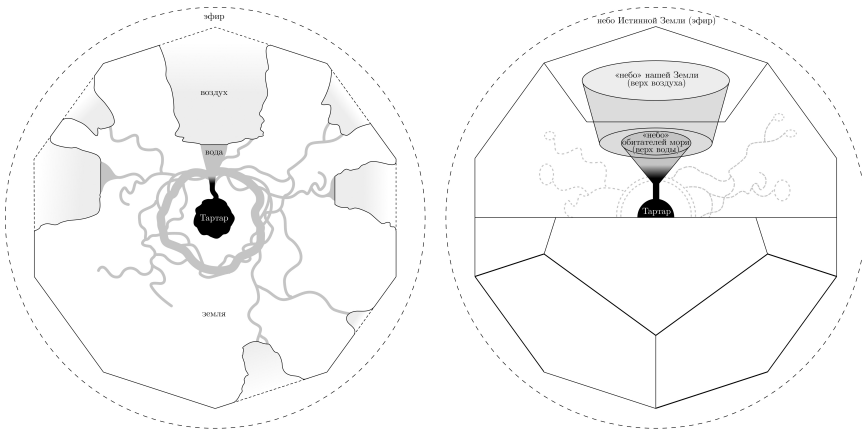
Сфере присущи пять тел (σώματα πέντε): находящиеся внутри Сферы огонь, вода, земля, воздух и пятое — корпус (собств. «корабль») сферы (καὶ ὁ τῶν σφαιρᾶς ὀκτῆς, πέμπτον) (44 B 12 DK)²¹.

Все это нас ведет к самому важному месту в платоновском опусе, которое объединяет все искомые нами черты визуальной философии охватывания беспорядка порядком. То, что додекаэдр, охватывающий все, имеет отношение ко всеохватывающей сфере космоса, наглядно подтверждает визуальная философия из «Федона». Более того, это

²¹Про проблемы со словом ὀκτῆς см. Лечич, 2024: 878–879п. 29. Там же см. детальное изложение истории открытия пяти правильных полиэдров от пифагорейцев до Платона и ее связь с мыслительной историей (Waterhouse, 1972: 212–213). Сама история о правильных полиэдрах ссылается на схолию к Евклиду неизвестного авторства (44 A 15a Лебедев = схолии к Евклиду XIII.1 (Euc. v, 654); ср. Жмудь, 2012: 228 п. 87): «В этой, т. е. 13-й книге, описываются так называемые 5 платоновских фигур, которые, однако, Платону не принадлежат. Три из упомянутых фигур — куб, пирамида и додекаэдр — принадлежат пифагорейцам, а октаэдр и икосаэдр — Теэтету. По имени Платона они были названы потому, что он упоминает о них в „Тимее“».

единственная картина классического периода, которая объединяет концепции охватываемости и иерархичности.

В «Федоне» (Phaed. 108d–115a²²) представлен фантастический ландшафт (см. иллюстрацию 2), в котором жители «настоящей Земли» живут в прекрасных эфирных ландшафтах, полных драгоценных камней, а мы и обитатели морского дна живем во всё ниже и ниже расположенных впадинах (κοίλος), заполненных, соответственно, воздухом и водой, в которых «совершенство» и красота вещей, а также уровень познания их жителей прогрессивно уменьшаются.

Илл. 2. Фантастические ландшафты «Федона»: «истинная Земля», «наша Земля», моря, реки и Тартар.

Жители морей, т. е. впадин нашего мира, живут между разъединенными солью камнями, в мутной воде, и никогда не могут увидеть наш мир, заполненный воздухом, который, с их точки зрения, чистый и прозрачный. Они ошибаются, думая, что их море — истинный мир, и они бы поменяли свою точку зрения, если бы только могли высунуть голову над поверхность воды. Однако, наше положение аналогично положению обитателей морского дна. Мы думаем, что мы видим мир таким, какой он есть; но на самом деле, «наша Земля» — впадина «истинной Земли», заполненная воздухом, на дне которой мы живем. Воздух, как и вода, действует разлагающе на камни и другие элементы нашего мира,

²²Русский текст по: Платон, Маркиш, 1993. Древнегреческий текст Платона дается по Plato, 1903 (ed. Burnet).

но в меньшей степени, нежели морская вода. В нашем мире есть мелкие свидетели красоты «настоящей Земли» — разбросанные по нашему миру красивые, драгоценные камни. Но если бы мы смогли добраться до верха океана воздуха и посмотрели, что над ним, перед нами открылись бы невероятные красоты «настоящей Земли», где все «чище и прекраснее (καθαρότερος καὶ καλλίω)»: это ландшафты, состоящие из гладких и прозрачных камней, прекрасных растений и эфирного неба²³.

Платон на этом месте делает неожиданный визуальный ход, который, однако, не выглядит так необычно в контексте рассматриваемых нами текстов:

Земля, если взглянуть на нее сверху, похожа на мяч, сшитый из двенадцати кусков кожи и пестро расписанный разными цветами (ᾧσπερ αἱ δωδεκάσκητοι σφαῖραι, ποικίλη). Краски, которыми пользуются наши живописцы (γραφῆς), могут служить образчиками (δείγματα) этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда более яркими (λαμπροτέρων) и чистыми (καθαροτέρων)²⁴. В одном месте она пурпурная и дивно (θαυμαστῆν) прекрасная, в другом золотистая, в третьем белая — белее снега и алебастра; и остальные цвета, из которых она складывается, такие же, только там их больше числом и они прекраснее всего, что мы видим здесь (Phaed. 110b–d).

Теперь посмотрим, почему додекаэдр федоновских ландшафтов принадлежит визуальной философии охватывания беспорядка порядком. Во-первых, он визуально делает красивым даже впадины:

²³Интенсивность зрелища, драматическая насыщенность (это последнее учение Сократа перед смертью) и необычные детали делают «настоящую Землю» из «Федона» одной из самых прекрасных примеров визуального философствования в Античности. На наш взгляд, самыми важными спекулятивными элементами ландшафтов «настоящей Земли» являются ее *гладкость* и *прозрачность*, и они могут помочь в нашей трактовке платоновского учения об эйдосах. В отличие от других элементов федоновских ландшафтов, гладкость не была предметом внимания в обширной исследовательской литературе, посвященной «Федону». Детальный разбор фантастических ландшафтов «настоящей Земли» и особенно их гладкости см. в. Лечич, 2024.

²⁴Детальный анализ цветовой составляющей настоящей земли проведен Андреа Найтингейл (Nightingale, 2018), которая выдвигается тезис об особом виде прекрасного — пестроты (variegation, ποικίλα); также Найтингейл утверждает, что этот идеал красоты из «Федона» противоречит общей платоновской эстетике, из-за чего «истинную Землю» не следует рассматривать как пример платоновской метафизики или космологии, а только эсхатологии (ibid.: 342). С тем, что конец «Федона» в некотором смысле пытается примирить (иначе у Платона непримиримые) «небо» и «землю» согласны и другие (см. напр. Brill, 2009: 21–22). С такими выводами мы не согласны; наоборот, федоновские ландшафты являются одной из физических философем, излагающих теорию эйдосов (Лечич, 2024: 879, 880 п. 30).

И даже самые ее впадины, хоть и наполненные водою и воздухом, окрашены по-своему и ярко блещут пестрою красок, так что лик ее представляется единым, целостным и вместе нескончаемо разнообразным (Phaed. 110d)²⁵.

Во-вторых — это самое интересное — додекаэдр Земли охватывает не только «нашу Землю» и морские глубины; он держит в себе и самую нижнюю часть мира, в которую стекается все из его высших частей. Эта область в мире «Федона» называется Тартаром. Пассаж настолько необычный и важный для нашего исследования, из-за чего приводим его почти целиком:

Но во впадинах по всей Земле есть много мест, то еще более глубоких и открытых, чем впадина, в которой живем мы, то хоть и глубоких, но со входом более тесным, чем зев нашей впадины. А есть и менее глубокие, но более пространные. Все они связаны друг с другом подземными ходами разной ширины, идущими в разных направлениях, так что обильные воды переливаются из одних впадин в другие, словно из чаши в чашу, и под землею текут неиссякающие, невероятной ширины реки — горячие и холодные. И огонь под землею в изобилии, и струятся громадные огненные реки и реки мокрой грязи, где более густой, где более жидкой, вроде грязевых потоков в Сицилии, какие бывают перед извержением лавы, или вроде самой лавы. Эти реки заполняют каждое из углублений, и каждая из них в свою очередь всякий раз принимает все новые потоки воды или огня, которые движутся то вверх, то вниз, словно какое-то колебание происходит в недрах. Природа этого колебания вот примерно какая. Один из зевов Земли — самый большой из всех; там начало пропасти, пронизывающей Землю насквозь, и об этом упоминает Гомер, говоря: «Пропасть далекая, где под землей глубочайшая бездна»²⁶ (Phaed. 111c–112a).

И сам Гомер в другом месте, и многие другие поэты называют ее Тартаром. В эту пропасть стекают все реки, и в ней снова берут начало, и каждая

²⁵На наш взгляд, этот пассаж является ключевым доказательством того, что в «Федоне» описана одна Земля, имеющая форму додекаэдра, и что все остальные ландшафты («наша Земля», моря и, как еще увидим, Тартар) — *отвачены*, внутри додекаэдра. Однако, есть немало авторитетных мнений о том, что в «Федоне» описаны две земли: Kingsley, 1995: 106–107; Most, 2012: 209–210 p. 19; Афонасин, 2023: 1075 p. 5. См. детальный анализ в Лечич, 2024: 864 p. 7. В рамках темы данной статьи можно добавить, что, на наш взгляд, принять Землю (хоть и «истинную»), которая охватывает несовершенные части мира, мешает та же интуиция, которая склоняет Буркерта и Хаффмана полностью отвергнуть филолаевский А16b; как мы увидим немного ниже, несмотря на свою неоплатоническую форму, идея иерархичности космоса не протворечит А16а. — Имеет ли Земля форму сферы или додекаэдра было также предметом длинной дискуссии: см. Rosenmeyer, 1959: и статьи, предшествующие ей.

²⁶Имеется в виду II. VIII.13.

приобретает свойства земли, по которой течет. [...] Когда вода отступает в ту область, которую мы зовем нижнею, она течет сквозь землю по руслам тамошних рек и наполняет их, словно оросительные каналы; а когда уходит оттуда и устремляется сюда, то снова наполняет здешние реки, и они бегут подземными протоками, каждая к тому месту, куда проложила себе путь, и образуют моря и озера, дают начала рекам и ключам. А потом они снова исчезают в глубине той Земли и возвращаются в Тартар: иная – более долгой дорогою, через многие и отдаленные края, иная – более короткой. [...] А есть и такие потоки, что описывают полный круг, обвившись вокруг той Земли кольцом или даже несколькими кольцами, точно змеи; они спускаются в самую большую глубину, какая только возможна, но выпадают все в тот же Тартар. Спуститься же в любом из направлений можно только до середины Земли, но не дальше: ведь откуда бы ни текла река, с обеих сторон от середины местность для нее пойдет круто вверх (Phaed. 112a–e).

Дальше (Phaed. 112e–с) следует детальное описание четырех рек, самых примечательных из всех: это Океан, Ахеронт, Перифлегетонт и Стикс. Для нас интересен Перифлегетонт, потому что он «достигает обширного места, пылающего жарким огнем, и образует озеро, где бурлит вода с илом, размерами больше нашего моря», а потом эта река «бежит по кругу, мутная и илистая, опоясывая ту Землю, и подходит вплотную к краю озера Ахерусиады, но не смешивается с его водами. Описав под землею еще много кругов, она впадает в нижнюю часть Тартара». На местах, где коснется поверхности «нашей Земли», Перифлегетонт «изрыгает наружу брызги своей лавы». Заканчивает Сократ рассказ словами: «Вот как все это устроено» (Phaed. 113d).

Теперь мы можем сделать сравнение раннепифагорейских визуализаций космоса (Филолай), неоплатонических дополнений этих визуализаций (Стобей), земных ландшафтов «Федона» (Платон):

- ◊ у ранних пифагорейцев есть намек²⁷ на то, что в космосе есть ценностная иерархия областей: область под Луной, которая держит Землю, хуже Луны и надлунной части мира, но все они охвачены Объемлющим огнем; в «Федоне» находим похожую иерархию, с Тартаром, морем и «нашей Землей», которые охватывает додекаэдр «настоящей Земли»; у Стобея находим похожую иерархию — Небо и Космос охвачены вселенской сферой Олимпа;

²⁷Как справедливо отмечал Ридвег, ранние пифагорейцы не развили интеллектуальный потенциал своих идей (Riedweg, 2005: 89).

- ◇ у ранних пифагорейцев есть огненный центр космоса, который одинаков по природе с Объемлющим огнем; не важно, принимаем ли мы только А16а или А16а и А16б вместе, всегда неясно, относится ли огненный центр к плохой части мира (подлунной и А16а или к Небе в А16б); из-за этого, аргументы противников подлинности А16б должны потерять часть своей силы, ведь и оригинальная пифагорейская система, возможно, страдает такой же «нелогичностью»; проблема может быть решена тем, что и центральный огонь ценностно низкий, но это уже область догадок; в любом случае левая часть иллюстрации 1 соответствует именно такому наложению А16а и А16б;
- ◇ Тартар из «Федона» и беспорядок (ἀταξία) Неба из А16б противопоставляются²⁸ красоте гладких и прозрачных ландшафтов «настоящей Земли» и беспримесной чистоте элементов стобеевского Олимпа²⁹; они условно соответствуют соотношению подлунной части мира и Объемлющего огня из А16а, но для полного соответствия нужен один из двух вариантов наложения, нарисованных нами на иллюстрации 1.

Все это говорит о том, что у Платона мы находим полноценную визуальную философему охватывания беспорядка порядком, что она вдохновлена намеками более старого пифагорейского учения и что компиляция Стобея является поздней попыткой создания такой же визуальной философемы. В таком случае перед нами совершенно новая концепция отношения ценностно противопоставленных порядка и беспорядка, которая ясно выделяется на фоне альтернативных теорий:

- ◇ перед нами не древнее «извлечение» порядка из хаоса³⁰;

²⁸Как высказался Пендер, «в Тартаре нет философии» (Pender, 2012: 227).

²⁹Примечательно, А. Найтингейл считает, что именно в «беспримесности» (отсутствия перемешанности) лежит красота цветов «настоящей Земли»: Nightingale, 2018: 339–340.

³⁰Несмотря на то, что полная дискуссия по этому поводу выходит далеко за рамки нашей статьи, полнота картины требует нескольких замечок. У Анаксагора ум «упорядочивает» нечто раньше существовавшее, предположительно, без состояния порядка: «И все, чему суждено было быть, и все, что было, но чего теперь нет, и все, что есть теперь и будет в будущем, — все это упорядочил ум (πάντα διέκρίθησε νοῦς)» (59 В12 DK). Однако идея намного старше Анаксагора (современника Филолая) и существовала уже в VII в. до н. э. Приводим текст папируса из Оксиринха № 2390, который принадлежит поэту Алкману; по причине его позднего открытия (середина XX века н. э. — Most, 1987: 2, 4) фрагмент не входит в собрание Дильса (у Лебедева он является частью секции за: Фрагменты..., Лебедев, 1989: 80–81):

Ибо, когда материя (ἔλη) начала упорядочиваться (κατασκευασθηῖν)
возник некий Порос — как бы начало (ἀρχή).

- ◊ перед нами не отношение высшей и низшей части мира, как у Плотина: у него охватывающий все вещи космос помещается в онтологическую вертикаль, и в ней способность охватывания становится иллюзорной: там любая вещь имеет «красоту» благодаря связи с чем-то сверхъестественным, что находится по ту сторону космоса самого по себе;
- ◊ исследуемая визуальная философема не сводима к идее превосходства целого над частями.

Редкость описанной нами визуальной философемы дает основание для формулировки нескольких гипотез:

- ◊ визуальную философему совершенной сферы (или додекаэдра), охватывающей внутренний беспорядок, заменила в истории ви-

Итак, Алкман говорит, что материя всех вещей (ἄλη πάντων) была беспорядочной (τῆταραγμένως) и необработанной (ἀπόρητος). Затем возник, по его словам, некто, мастерающий (κατασκευάζωντος) все вещи (πάντα), затем возник Порос, когда же Порос прошел, последовал Текмор. Порос означает как бы начало, а Текмор — как бы конец [— завершение, телос]. С рождением Фетиды (Θέτις) они стали началом и концом всех вещей. Все (πάντα) имеет природу (φύσις), подобную материи-меди (χαλκοῦ ἕλη), Фетида [подобна] мастеру (τεχνίτης), а Порос и Текмор — началу (ἀρχή) и концу (τέλος). [...] «И третьим — Мрак» (σκότος): так как ни Солнце, ни Луна еще не возникли (ἔγνοντο), но материя еще была неразличимой (ἀδιάκριτος) сначала был только мрак, а после этого, когда он стал различимым (διακρίθεντος)...

«Беспорядочный» у Алкмана — τῆταραγμένως. Есть намек на то, что под этим подразумевается: материя в ее прасостоянии описана там как «неразличимая» (ἀδιάκριτος). Переход в состояние предполагаемого «порядка» описан глаголом διακρίνω (разделять, разлагать), и для этого космогония Алкмана недвусмысленно вводит чужую для праматерии миротворческую фигуру Текмора (или Фетиды). Аристотель (Met. 985a 28) использует διακρίνω для описания процесса распада во Вселенной Эмпедокла. Платон (Parm. 157a), описывая переход от единого ко множому (Платон 1993: 395: «оно не разъединяется и не соединяется»), использовал именно глагол διακρίνω и его противоположность, συγκρίνω. «Мрачное» состояние праматерии имеет некий онтологический статус: оно существует (или существовало), что делает Алкмана предшественником Анаксагора. На основе толкования (а) Фетиды как демиурга и (б) Текмора как «границы» или «знака» («boundary-mark», «sign»), т.е. как начала дифференциации, Уэст (West, 1967: 5, 7) считает «мрак, ставший различимым» предшественником раннепифагорейской «числовой космологии», основанной на соединении безграничных и ограничивающих.

зуального мышления концепция строго вертикальной иерархии совершенства;

- ◇ компиляция Стобея (и, возможно, ее исходный текст из сборника Аэтия) не просто фальсификат, а драгоценная и, скорее всего, осознанная и последняя попытка сохранить древнюю раннепифагорейско-платоническую схему охватывания³¹ через наложение на нее неоплатонической идеи аксиологической вертикали;

Таким образом, нам кажется уместным сравнение, в котором визуальная философия охватывания беспорядка порядком предстает таким же исчезающим видом, как и сам ее языческий автор. Философия охвата высшего низшим поглощена потом более привычной и долгоживущей картиной иерархии, которая была в большей согласии с христианским мировоззрением.

Блеснула ли эта мысль у самого Стобея и заставила ли его придумать продолжение подлинному тексту Филолая или он подобное творчество почерпнул у какого-то нам неизвестного платоника, не так важно. Главное то, что, по всей видимости, с последними язычниками исчезает и визуальная философия аксиологически охватывающего космоса и уступает место строго вертикальной аксиологии визуального мышления. Из-за этого, античная визуальная философия охватывания беспорядка порядком может быть полезным инструментом в изучении истории визуальной культуры.

Целью данной статьи было описать тонкую разницу между разными типами отношения порядка и беспорядка, которая существовала некоторое время до того, как христианское мировоззрение получило полную и долгую монополию внутри визуального мышления. Исследование следа этой тонкой разницы и поглотившей ее будущей монополии в визуальной культуре — задача будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. О возникновении животных / пер. с древнегреч. В. П. Карпова. — М., Л. : Академия наук СССР, 1940.

³¹ Древность этой философии хорошо видна, если вспомним, что у Парменида сфера бытия *охвачена* пределом: «И в таком состоянии оно остается стойко [— постоянно], ибо неодолима Ананкэ // Держит [его] в оковах предела [— границы], который его запирая-объемлет» (28 В8:30–31 DK). Детальное сравнение с Парменидом выходит за рамки данной статьи. Анализ сферичности бытия как визуальной философии см. в Лечич, 2024: 868–871.

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Сочинения. В 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1976. — С. 63–369.
- Афонасин Е. В.* «Другая Земля». Орфический мотив небесного путешествия в античной философии // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2023. — Т. 17, № 2. — С. 1072–1083.
- Жмудь Л. Я.* Переписываемая доксографию : Герман Дильс и его критики // Историко-философский ежегодник. — 2002. — С. 5–33.
- Жмудь Л. Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2012.
- Лечич Н. Д.* Аксиология гладкого и корявого : интерпретация визуальной философии из «Федона» // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 860–887.
- Платон*. Федон / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1993. — С. 7–80.
- Платон*. Тимей / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1994. — С. 421–500.
- Плотин*. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т. Г. Сидаша. — СПб. : Олег Абышко, 2004.
- Фрагменты ранних греческих философов : от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Т. I / пер. и сост. А. В. Лебедева. — М. : Наука, 1989.
- Barnes J.* The Presocratic Philosophers. — London : Routledge, 1982.
- Böckh A.* Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes. — Berlin, 1819.
- Brill S.* The Geography of Finitude : Myth and Earth in Plato's Phaedo // International Philosophical Quarterly. — 2009. — Vol. 49. — P. 5–23.
- Burkert W.* Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1972.
- Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker, Griechisch und Deutsch / hrsg. von W. Krantz. — 17. Aufl. — Dublin, Zürich : Weidmann, 1974.
- Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 1. — Cambridge : Cambridge University Press, 1962.
- Huffman C. A.* Philolaos of Croton : Pythagorean and Presocratic. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993.
- Kahn C. H.* Pythagoras and the Pythagoreans : A Brief History. — Indianapolis : Hackett Pub., 2001.
- Kingsley P.* Ancient Philosophy, Mystery, and Magic : Empedocles and Pythagorean Tradition. — Oxford : Oxford University Press, 1995.
- Mansfeld J., Runia D. T.* Aëtiana. Vol. 1. The Method and Intellectual Context of a Doxographer. — Leiden : Brill, 1996.

- Most G. W.* Alcman's "Cosmogonic" Fragment (Fr. 5 Page, 81 Calame) // The Classical Quarterly. New Series. — 1987. — Vol. 37, no. 1. — P. 1–19.
- Most G. W.* Plato's Exoteric Myths. — 2012.
- Mourelatos A. P. D.* The Route of Parmenides. — Parmenides Pub., 2008.
- Nightingale A.* The Aesthetics of Vision in Plato's Phaedo and Timaeus // Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature / ed. by A. Kampakoglou, A. Novokhatko. — De Gruyter, 2018. — P. 331–353. — (Trends in Classics — Supplementary Volumes ; 54).
- Pender E. E.* The Rivers of Tartarus : Plato's Geography of Dying and Coming-Back-to-Life // Plato and Myth : Studies on the Use and Status of Platonic Myths / ed. by C. Collobert. — Brill : Brill, 2012.
- Philip J. A.* Pythagoras and Early Pythagoreanism. — Toronto : University of Toronto Press, 1966.
- Plato.* Platonis Opera / ed. by J. Burnet. — Oxford : Oxford University Press, 1903.
- Riedweg C.* Pythagoras : His Life, Teaching, and Influence. — Ithaca : Cornell University Press, 2005.
- Rosenmeyer T. G.* The Shape of the Earth in the "Phaedo": A Rejoinder // Phronesis. — 1959. — Vol. 4, no. 1. — P. 71–72.
- Royse J. R.* The Text of Stobaeus : The Manuscripts and Wachsmuth's Edition // Aëtiana. Vol. 4. Papers of the Melbourne Colloquium on Ancient Doxography / ed. by J. Mansfeld, D. Runia. — Leiden, Boston : Brill, 2018. — P. 156–173. — (Philosophia Antiqua ; 148).
- Runia D. T.* The Sources for Presocratic Philosophy // The Oxford Handbook of Presocratic Philosophy / ed. by P. Curd, D. W. Graham. — New York : Oxford University Press, 2008. — P. 27–54.
- Schibli H. S.* On "The One" in Philolaus, Fragment 7 // The Classical Quarterly. — 1996. — Vol. 46, no. 1. — P. 114–130.
- Waterhouse W.* The Discovery of the Regular Solids // Archive for History of Exact Sciences. — 1972. — Vol. 9, no. 3. — P. 212–221.
- West M. L.* Alcman and Pythagoras // The Classical Quarterly. — 1967. — Vol. 17, no. 1. — P. 1–15.

Lečić, N. D. 2024. "Neuporyadochennoye Nebo v sfere Vselenny, bezobraznyy Tartar v dodekaedre Zemli [The Disordered Sky in the Sphere of the Universe, the Ugly Tartarus in the Dodecahedron of the Earth]: ob antichnoy vizual'noy filosofeme okhvatyvaniya besporiyadka poryadkom [On the Ancient Visual Philosopheme of Embracing Disorder with Order]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 13–34.

NIKOLA LEČIĆ

PHD IN PHILOSOPHY
ASSISTANT PROFESSOR

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-0349-0108

THE DISORDERED SKY IN THE SPHERE OF THE UNIVERSE,
THE UGLY TARTARUS IN THE DODECAHEDRON OF THE EARTH
ON THE ANCIENT VISUAL PHILOSOPHEME OF EMBRACING
DISORDER WITH ORDER

Submitted: Apr. 07, 2024. Reviewed: July 22, 2024. Accepted: Aug. 26, 2024.

Abstract: The article is devoted to the description of a rare example of visual philosophizing in Antiquity, in which the axiologically perfect ordered limit of the Universe is conceived as embracing and locking within itself its less perfect, disordered and ugly internal parts. The article analyzes the testimony of Ioannes Stobaeus from the 5th or 6th century AD (44 A16 DK), probably taken from an older and more voluminous compilation by Aëtius), in which he attributes to the Early Pythagoreans a worldview, according to which the Universe has a fiery center orbited by 10 celestial bodies including the Earth, the Moon and the Sun, all of which are embraced in a "second", greater fire. However, this picture is supplemented by the strange assertion that the Universe has a three-part vertical structure, consisting of Olympus, Cosmos and Heaven (the area under the Moon in which we live), in which perfection decreases from top to bottom. It is customary in scholarship to regard this compilation as logically impossible, and its second part as a forgery. We examine the origins and traces of the various anachronistic elements of this picture and find them in Plato, in the *Timaeus* (Ti. 55c: the dodecahedron serves as a model of the Universe, embracing its less perfect parts) and the *Phaedo* (Phaed. 108d–115a). The *Phaedo* presents a fantastic landscape in which (i) the inhabitants of the "True Earth" live in beautiful ethereal landscapes full of smooth and transparent stones, while we and the inhabitants of the sea-bed live in increasingly lower depressions, filled respectively with air and water, in which the "perfection" and beauty of things, as well as the level of knowledge of their inhabitants, progressively decrease; (ii) the rivers of the upper regions flow into disordered Tartarus, which lies deep in the center of the Earth. It is concluded that the compilation of Aëtius/Stobaeus is not just a falsification, but a valuable and, most likely, conscious last attempt to preserve the ancient early Pythagorean-Platonic scheme of embracing, by imposing on it the Neoplatonic idea of vertical axiology.

Keywords: Philolaus, Plato, Stobaeus, "Phaedo", Sphere, Dodecahedron, Universe, Cosmos, "Real/True Earth", Axiology.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-13-34.

REFERENCES

Afonasin, Ye. V. 2023. "'Drugaya Zemlya'. Orficheskiy motiv nebesnogo puteshestviya v antichnoy filosofii ['Another Earth'. The Orphic Motif of Celestial Travel in Ancient Philosophy]"

- [in Russian]. *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya [Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]* 17 (2): 1072–1083.
- Aristotle. 1940. *O vozniknovenii zhivotnykh [On the Generation of Animals]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by V. P. Karpov. Moskva [Moscow] and Leningrad: Akademiya nauk SSSR [USSR Academy of Sciences].
- . 1976. *Metafizika [Metaphysics]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by A. V. Kubitskiy, 63–369. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Barnes, J. 1982. *The Presocratic Philosophers*. London: Routledge.
- Böckh, A. 1819. *Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes* [in German]. Berlin.
- Brill, S. 2009. “The Geography of Finitude: Myth and Earth in Plato’s *Phaedo*.” *International Philosophical Quarterly* 49:5–23.
- Burkert, W. 1972. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Diels, H. 1974. *Die Fragmente der Vorsokratiker, Griechisch und Deutsch* [in German]. 17th ed. Ed. by W. Krantz. Dublin and Zürich: Weidmann.
- Guthrie, W. K. C. 1962. *A History of Greek Philosophy*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huffman, C. A. 1993. *Philolaos of Croton: Pythagorean and Presocratic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kahn, C. H. 2001. *Pythagoras and the Pythagoreans: A Brief History*. Indianapolis.
- Kingsley, P. 1995. *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic: Empedocles and Pythagorean Tradition*. Oxford: Oxford University Press.
- Lebedev, A. V., comp. 1989. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov [The Fragments of the Early Greek Philosophers]: ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki [From the Epic Theocosmogonies to the Birth of the Atomistics]* [in Russian]. Trans. by A. V. Lebedev. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lechich, N. D. 2024. “Aksiologiya gladkogo i koryavogo [The Axiology of the Smooth and the Rugged]: interpretatsiya vizual’noy filosofemy iz ‘Fedona’ [Interpretation of the Visual Philosopheme from the ‘*Phaedo*’]” [in Russian]. *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya [Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]* 18 (2): 860–887.
- Mansfeld, J., and D. T. Runia. 1996. *The Method and Intellectual Context of a Doxographer*. Vol. 1 of *Aëtiana*. Leiden: Brill.
- Most, G. W. 1987. “Alcman’s ‘Cosmogonic’ Fragment (Fr. 5 Page, 81 Calame).” *The Classical Quarterly. New Series* 37 (1): 1–19.
- . 2012. “Plato’s Exoteric Myths.”
- Mourelatos, A. P. D. 2008. *The Route of Parmenides*. Parmenides Pub.
- Nightingale, A. 2018. “The Aesthetics of Vision in Plato’s *Phaedo* and *Timaeus*.” In *Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature*, ed. by A. Kampakoglou and A. Novokhatko, 331–353. Trends in Classics—Supplementary Volumes 54. De Gruyter.
- Pender, E. E. 2012. “The Rivers of Tartarus: Plato’s Geography of Dying and Coming-Back-to-Life.” In *Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths*, ed. by C. Collobert. Brill: Brill.
- Philip, J. A. 1966. *Pythagoras and Early Pythagoreanism*. Toronto: University of Toronto Press.
- Plato. 1903. *Platonis Opera*. Ed. by J. Burnet. Oxford: Oxford University Press.

- . 1994. *Timey [Timaeus]* [in Russian]. In vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, trans. from the Ancient Greek by S. C. Averintsev, 421–500. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Platon [Plato]. 1993. “Fedon [Phaedo]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, trans. from the Ancient Greek by S. P. Markish, 7–80. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Plotin [Plotinus]. 2004. *Tret'ya enneada [The Third Ennead]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by T. G. Sidash. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Oleg Abyshko [Oleg Abyshko Publishing House].
- Riedweg, C. 2005. *Pythagoras: His Life, Teaching, and Influence*. Ithaca: Cornell University Press.
- Rosenmeyer, T. G. 1959. “The Shape of the Earth in the ‘Phaedo’: A Rejoinder.” *Phronesis* 4 (1): 71–72.
- Royse, J. R. 2018. “The Text of Stobaeus: The Manuscripts and Wachsmuth’s Edition.” In *Papers of the Melbourne Colloquium on Ancient Doxography*, vol. 4 of *Aëtiana*, ed. by J. Mansfeld and D. Runia, 156–173. *Philosophia Antiqua* 148. Leiden and Boston: Brill.
- Runia, D. T. 2008. “The Sources for Presocratic Philosophy.” In *The Oxford Handbook of Presocratic Philosophy*, ed. by P. Curd and D. W. Graham, 27–54. New York: Oxford University Press.
- Schibli, H. S. 1996. “On ‘The One’ in Philolaus, Fragment 7.” *The Classical Quarterly* 46 (1): 114–130.
- Waterhouse, W. 1972. “The Discovery of the Regular Solids.” *Archive for History of Exact Sciences* 9 (3): 212–221.
- West, M. L. 1967. “Alcman and Pythagoras.” *The Classical Quarterly* 17 (1): 1–15.
- Zhmud', L. Ya. 2002. “Perepisyvaya doksografiyu [Revising Doxography]: German Dil's i yego kritiki [Hermann Diels and his Critics]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik [Historical and Philosophical Yearbook]*, 5–33.
- . 2012. *Pifagor i ranniye pifagoreytsy [Pythagoras and the Early Pythagoreans]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Universitet Dmitriya Pozharskogo [University of Dmitry Pozharsky Publishing House].